

Статья О. Бопеараччи «Альфред Фуше и исследования бактрийской нумизматики» представляет собой в основном каталог монет, поступивших от А. Фуше в Национальную библиотеку Франции (найденных в результате раскопок и сборов в Балхе, а также в некоторых других районах). В начале статьи О. Бопеараччи в краткой форме представил современное состояние проблем раннекушанской нумизматики. Этот очерк является своеобразным введением к этому каталогу.

Завершают сборник две статьи, несколько выбивающиеся из его общей тональности. Статья Ж.-Н. Робера посвящена проблеме сопоставления основных концепций раннего христианства и буддизма – проблеме, занимавшей важное место в общих построениях А. Фуше. В статье Ж. Фийоза «Первые сиамские рукописи в Королевской библиотеке при Людовике XIV и Людовике XV» дано описание обстоятельств, при которых эти палийские рукописи поступили в библиотеку, а также их полное описание.

В заключение можно утверждать, что читатели получили интересный и полезный сборник исследований работ, отразивший важнейшие сферы научной деятельности выдающегося ученого Альфреда Фуше и поставивший его идеи в контекст современности.

Литература

Bernard P. 2006: Le plus ancien stupa bouddhique afghan mis au jour à Bactres en 2004 // Religions et histoire. 2006. 8.

Bernard P., Besenval R., Marquis Ph. 2006: Du «mirage bactrien» aux réalités archéologiques: nouvelles fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA) à Bactres (2004–2005) // CRAI.

Foucher A. 1949: La vie du Bouddha d'après les textes et les monuments de l'Inde. P.

Foucher A. 1955: Les vies antérieures de Bouddha, d'après les textes et les monuments de l'Inde. P.

Г.А. Кошеленко,
член-корр. РАН, главный научный сотрудник
Института археологии РАН

© 2010 г.

M. BEARD. The Roman Triumph. Cambridge (Mass.)–London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007, VIII, 434 p.

Совсем недавно вышла в свет монография Тани Итгеншорст «Tota illa pompa»¹, посвященная римскому триумфу, а через два года появляется еще более объемная книга Мэри Бирд – тема явно пользуется популярностью у исследователей². Впрочем, это и неудивительно, учитывая ее многоаспектность в сочетании с относительным обилием материала: если книга Итгеншорст посвящена преимущественно республиканскому триумфу и его влиянию на общественно-политическую жизнь Рима, то у Бирд немало внимания уделяется также триумфам эпохи Империи, процедуре празднества, использованию его семантики в любовной поэзии, рецепции в новое и новейшее время и т.д.

Открывается книга описанием третьего триумфа Помпея, отпразднованного в сентябре 61 г. до н.э. и наиболее подробно освещенного в античных источниках (с. 7–41). Богатство и блеск этого триумфа поражали древних писателей: в ходе торжеств пронесли 75,1 млн. денариев («драхм»), трон Митридата VI, скипетр понтийского царя, его статую из литого золота, изображения побежденных стран и народов, тунику, по преданию принадлежавшую самому Александру – в нее облачился сам Помпей. Для него это был третий триумф, и пусть Камилл удаивался этой чести четырежды, а Цезарь впоследствии даже пятикратно, но Помпей оказался первым, кто, по словам Плутарха, справил третий триумф уже над третьей частью света. Он продемонстрировал милосердие, казнив всего

¹ Itgenshorst 2005 (см. мою рецензию на эту монографию: ВДИ. 2007. №4. С. 205–209). См. также ее статью, где оспаривается точка зрения об «эллинизации» триумфа: Itgenshorst 2006, 51–68.

² Об этом свидетельствует и недавний сборник статей о триумфах эпохи Августа: Krasser, Pausch, Petrovic 2008.

лишь одного знатного пленника – Тиграна (Аристокл, о чьей гибели пишет Аппиан, на деле остался жив). Помпею даровали особые почести: право носить золотой венок и облачение триумфатора во время игр, но он благоразумно воспользовался этим лишь раз. Славу полководца увековечил храм Минервы, восстановление которого (а не возведение, как указывает Бирд) он финансировал, и целый комплекс, включавший храм, театр, портики, парк³. Открыли его в годовщину триумфа, ознаменовав это постановкой «Клитемнестры» Акция и «Троянского коня» Невия или Ливия Андроника: первая пьеса напоминала о возвращении Помпея с Востока, вторая – о богатстве захваченной им на Востоке добычи. Правда, по мнению автора, здесь можно усмотреть и политические намеки: не исключено, что под Агамемноном подразумевался Помпей, а под Эгистом – Цезарь, которого подозревали в связи с женой полководца Муцией. (Впрочем, нет свидетельств, что кто-то из современников или позднейших античных писателей разгадал подобные намеки, да и имели ли они место вообще?)

История этого триумфа дает многое для понимания сути самого ритуала. В результате его побед, говорил Помпей, Азия превратилась в *provinciam mediam patriae* (Plin. NH. VII. 99; Flor. III. 5. 31), и это не только риторическое преувеличение, но и тонкая игра слов, ибо «*media*», помимо «серединой», может также намекать на *Media*, «страну медов», под Азией же, естественно, подразумевалась провинция Азия, прежде пограничная, а теперь оказавшаяся уже в сердце римской державы. Таким образом, в центре триумфального торжества, по мнению Бирд, – расширение пределов империи, которого Помпей добился и которое продемонстрировал (с. 9–33).

Но его триумф (как этот, так и предыдущие) показывает также, что сам он «или память о нем – спутник и прямой предвестник гибели» (с. 36). Плиний Старший пишет о жемчужном изображении головы Помпея, представленном во время процессии в 61 г. до н.э., – это не только фиаско умеренности и триумф роскоши, но и предвестие гибели полководца в Египте, где его голова будет отсечена от тела. Лукан пишет, что Фортуна устала от триумфов Помпея, а Дион Кассий подчеркивает, что прославленный военачальник погиб в годовщину торжеств в честь победы над пиратами и Митридатом. «В культурной памяти римлян вся жизнь Помпея, а смерть не меньше, чем его рождение, была связана с моментом триумфа последнего» (с. 37).

И, наконец, казалось бы, частный на фоне таких обобщений вопрос. Не преувеличено ли многое из того, что мы встречаем в описаниях Помпеевых празднеств? Видели ли их авторы, к которым восходят дошедшие до нас рассказы? Аппиан, например, был не до конца убежден в достоверности сведений об упоминавшейся тунике Александра. По данным Плиния Старшего, победитель Митридата внес в казну 50 млн. денариев и захватил 12 млн. пленных (!), тогда как по Плутарху – 120 млн. денариев и 121 тыс. пленных. Расходятся оба автора и в том, какие народы и страны упоминались в списке побед Помпея. В excerptах Диодора сохранился текст надписи с перечислением побед полководца, посвященной некоей богине. Одни ученые считают, что это перевод надписи из храма Венеры Победительницы или Минервы, другие – что это подлинная надпись, но не из Рима, а с Востока, возможно, посвящение в храме Артемиды Эфесской. Поэтому к деталям, связанным с триумфом Помпея, следует подходить с сугубой осторожностью (с. 37–40).

Вообще же, если выйти за рамки случаев с Помпеем, многие авторы, писавшие о триумфах, не видели их, и расцвет «культуры триумфа» сошелся с редкостью самой процедуры в жизни – после триумфа Клавдия над британцами (44 г. н.э.), например, наступил перерыв до триумфа Веспасиана над иудеями (71 г. н.э.), еще больше перерыв между торжествами Траяна (117/118 гг. н.э.) и Марка Аврелия (166 г. н.э.). (Некоторые ученые предполагали даже, что между 31 г. до н.э. и 235 г. н.э. состоялось всего 13 триумфов, однако это результат грубой ошибки в подсчетах: 13 их было за столетие после 29 г. до н.э., а вслед за триумфом Бальба в 19 г. до н.э. – только пять.) Дошедшие до нас тексты, рассказывающие о победных празднествах, по большей части «были написаны много позже того, как происходили сами события, в то время, когда настоящий триумф в традиционном республиканском смысле перестал быть обычным зрелищем на улицах Рима, а стал частью церемониала имперской монархии» (с. 69–72).

Под вопросом достоверность и, казалось бы, вполне документального источника – Капитолийских фаст: их составители «должны были откуда-то брать свои датировки, но проводили ли они тщательные архивные разыскания... для нас вполне верь» (с. 76). Дата легендарного триумфа Попликолы – плод поздней реконструкции: начало марта, месяца бога войны Марса, годовщина первого триумфа Ромула etc. Много неясностей и с количественными показателями, учитывая, что многие фамилии стремились приписать своим представителям «лишние» почести (Cic. Brut. 62), и Ливий жаловался на возникавшую в связи с этим путаницу (VIII. 40. 4–5). Причем речь не только о данных нарративной традиции: в надписи на *Fornix Fabiana* говорится о трех триумфах Луция

³ Об этом комплексе и его месте в политике Помпея см.: Schröter 2008, 29–44.

Эмилия Павла, тогда как Капитолийские фасты именуют его триумф 167 г. до н.э. (т.е. последний) вторым (с. 76–79).

Несомненно вызывает вопросы, наконец, сама процедура торжеств. «В центре современных дискуссий о триумфе при всех различиях толкований и теорий по поводу его происхождения и смысла находится принятая в целом картина того, “что происходило” во время этой церемонии, по крайней мере, в ее развитых формах» (с. 81). Это и выкрашенное в алый цвет лицо полководца, и раб за его спиной, державший венок над его головой и выкрикивавший «Оглянись, помни, что ты [только] человек», и *toга депикта*, которую со временем сменяет *тога пурпурная*, и фаллос под колесницей триумфатора, и многое другое. Между тем все это требует пересмотра. «Каждый из этих элементов в отдельности встречается в римской литературе или изобразительном искусстве – в некоторых случаях по несколько раз», однако подчас происходит чрезмерное обобщение: то, что имело место один или несколько раз, переносится на десятки случаев как неотъемлемая часть ритуала. «Всякая попытка итоговых суждений о многовековой практике ритуала должна сопровождаться жестким отбором [фактов]» (с. 82). Так, знаменитый фаллос упоминается лишь у Плиния Старшего. Он же сообщает о том, что выкрашено было тело триумфатора, тогда как другие авторы пишут о лице. Эволюция от *тога депикта* к *тога пурпурная* является не более чем результатом реконструкции, основанной на данных Феста, писавшего во II в. н.э. И уж совсем не совпадают сведения различных авторов о рабе, напоминавшем полководцу, что тот лишь человек: в одних источниках он в данном контексте упомянут, в других – нет (у Исидора Севильского вообще идет речь о палаче), его слова приводятся в разных вариантах и т.д. Ни один античный писатель не дает полной картины. Раб, по-видимому, был (это засвидетельствовано и изображением на рельефе, приведенным в книге), но изначально ли и во всех ли случаях – неясно. Рассказы о нем являют собой сочетание различных вариантов традиции, а самые ранние сведения относятся не ранее чем к середине I в. н.э. (с. 85–92). Ставится под сомнение то, что триумфальная процессия проходила по заданному маршруту и что полководец останавливался накануне ее на *villa publica*, – сведения об этом поздние, ненадежные или неверно истолкованные (с. 92–96). В современных описаниях триумфов нередко упоминается о демонстрации произведений Фидия, Праксителя и других греческих мастеров, что вполне возможно, однако в источниках эти шедевры не идентифицируются; причем когда древние авторы знали, о каких скульптурах речь, они их упоминали, будь то статуи Юпитера в триумфе Цинцинната или Митридата в триумфе Помпея (с. 174). Далеко не всегда после торжеств производилась казнь знатных пленников, которая зачастую считается неотъемлемой частью процедуры, – любопытно, что в легендах о Ромуле ничего подобного не сообщается (с. 128–132). Вообще триумфы выглядели как «смесь глубокого почтения к прецедентам, частичная амнезия и “изобретение традиции”» (с. 100–101). Поэтому, считает Бирд, «триумф не дает нам ясных представлений о древнейших обычаях Рима – и, наоборот, его детали не могут быть просто объяснены тем, что восходят к религиозной и политической культуре раннего города» (с. 233).

Что касается добычи, то неясно, какая доля ее демонстрировалась в ходе процессии, как происходил ее дележ и вообще в чье распоряжение она поступала. По-видимому, на практике добыча находилась под контролем полководца, а вопрос о том, кому она все-таки принадлежит, поднимался лишь в том случае, когда ее распределение вызывало недовольство. Во время некоторых триумфов добыча вообще отсутствовала (с. 164–166).

Однако исследовательницу интересует не только процедура победных торжеств, но и их восприятие и влияние на жизнь римлян. Бирд обращает внимание на то, о чем обычно мало кто задумывается, – «инфраструктуру» триумфов: Варрон усматривал в них источник прибыли для сельских хозяев, а надпись на могильном камне в Риме сообщает о гладиаторе, специально прибывшем в Город в связи с триумфом Траяна. Но «влияние триумфа на римскую культуру не ограничивалось особенностями его подготовки и проведения, памятью о самом великом дне или его ожиданием. Триумф накладывал отпечаток на то, как римляне писали, говорили и думали о своем мире» (с. 49). В этом отношении чрезвычайно показательна любовная поэзия Овидия, где можно неоднократно встретить лексику и образы, связанные с триумфом. Самый публичный из праздников игриво и многозначительно вписывается в контекст обстановки, где царствуют интимные чувства. Роль любовника, который в латинской поэзии вообще и у Овидия в частности нередко сравнивается с воином (*militat omnis amans*), оказывается «перевернутой» – он жертва, а не товарищ Купидона. При этом Купидон празднует не триумф, а овацию, о чем свидетельствует миртовая ветвь – вероятно, намек на то, что в глазах Овидия любовная победа слишком легка, чтобы наградой за нее служил «полный» триумф (с. 111–113).

Что касается насмешливых песенок, которые распевали о своих полководцах воины во время триумфа, то, как указывает Бирд, они не всегда были таковыми, а кроме того, она не разделяет точку зрения, что песенки эти выполняли апотропеическую функцию, – ей ближе мнение П. О’Нила, согласно которому они способствовали реинкорпорированию победоносного полководца, чья непомер-

ная удача грозила поставить его выше других представителей сенатской аристократии (с. 247–249, 380, прим. 86).

Триумф привлекал внимание античных эрудитов больше любого другого римского праздника, благодаря чему до нас сохранилось сведений о нем больше, чем об остальных римских ритуалах. Антиквары – Варрон, Плиний Старший, Валерий Максим, Мазурий Сабин, Фест и другие – спорили о происхождении слова *triumphus*, о значении лавровых ветвей в ходе торжеств, о различных аспектах *ius triumphale*, а комментатор Горация Порфирион даже составил классификацию повозок, на которых везли знатных пленников во время процессии: *exeda* – для царей, *pilenta* – для цариц, *retortita* – для царских родичей. «Триумф выявил все самое лучшее и самое худшее в римской учености», – резюмирует Бирд (с. 52–53, 60).

Историческая последовательность триумфов, указывает автор, не просто хронология. Перечисление празднеств в честь побед над разными народами свидетельствовало о расширении римской державы, и в эпоху Империи Флор стыдился упоминания о триумфах над Веруллами и Бовиллами. Но история победных торжеств вписывается также в контекст морализаторских рассуждений о росте роскоши и коррупции: Гай Атилий Регул держал вожжи мозолистыми от плуга руками, а у Манья Курья Дентата триумфов было больше, чем рабов. Дионисий Галикарнасский сравнивал пышность современных ему победных процессий со скромностью Ромуловых. У Флора поворот к роскоши начинается с триумфа Дентата, у Полибия и Ливия – с овации Марцелла, который впервые продемонстрировал в Риме греческие статуи, и 211 г. до н.э. оказывается «решающим моментом в культурной революции, которую мы называем “эллинизацией” Рима». (Точности ради заметим, что у Флора никаких критических замечаний по поводу богатств, показанных во время триумфа Дентата, не делается, чего нельзя сказать о Полибии и Ливии в отношении Марцелла, причем греческий историк, если быть точным, пишет не о демонстрации памятников искусства в ходе овации покорителя Сиракуз, а о самом факте захвата этих памятников в Сиракузах.) И, конечно, триумф Манлия Вульсона над галатами, который многие считали началом «падения нравов». Но дело не ограничивалось только этим. «Некоторые описания триумфов высвечивают ту роль, которую играли процессии в развитии римского империализма», а также показывают, насколько раздвинулись границы империи. «Когда, например, Плутарх перечисляет различные виды столовой посуды, [пронесенной] в триумфе Эмилия Павла, – “антигониды”, “селевкиды”, “фериклеи”⁴, – сами эти названия подразумевали победы римлян над восточными городами и царями, пробуждая читателя воспринимать триумф как модель имперской экспансии». То же самое касается перечисления оружия побежденных народов или упоминания Плинием Старшим экзотических деревьев, показанных в ходе победных празднеств в знак того, что они стали теперь «подданными» Рима. Наконец, Плутарх пишет, что Красса к мысли о походе на Парфию побудил вид короны Тиграна, продемонстрированной во время триумфа Лукулла (с. 67–69, 147–149, 162–163).

Бирд отмечает один весьма интересный, но малодостоверный мотив в античной литературе: греческие и римские авторы любили рассказывать о том, как те или иные побежденные римлянами правители считали проведение в триумфе крайним унижением и подчас даже кончали с собой, чтобы избежать такого позора (Вибий Виррий, Клеопатра, Митридат). Зосим даже объясняет смерть Зенобии на пути в Рим не то болезнью, не то голодовкой – царица-де также не хотела идти в процессии победителя, хотя на самом деле ей пришлось это сделать (с. 114–117).

Исследовательница высказывает любопытную идею о пленных, которые оказывались в центре внимания римской публики во время процессии, и едва ли не в роли победителей: дети Персея⁵, а также царевна Арсиноя, которых жалели римские зрители; Битуит, блиставший золотым вооружением в победных торжествах Фабия Максима Аллоброгского; Тевтобод, являвший во время триумфа, как говорили, внушительное зрелище благодаря своей представительной внешности, и другие. У Овидия при описании триумфа мы видим гордого вражеского вождя в сидонском пурпуре, и как провести грань между пленником и триумфатором? Для Сенеки равное благо быть триумфатором и идти за его колесницею, сохранив несломленный дух. Так что еще вопрос, кто в действительности победитель и в чем истинная доблесть. В заключение Бирд напоминает о том, как в 225 г. до н.э. Луций Эмилий Пап провел плененных галлов в их доспехах до самого Капитолия, ибо они поклялись не снимать панцирей, пока не взойдут на главный холм Города, словно это означало победу над Римом, – еще один пример зыбкости грани между победой и поражением. «Было бы совершенно неверно рядить римскую культуру в одежды пацифизма. Но наиболее милитаристские общества могут особенно энергично – и делают это – ставить под вопрос природу своего милитаризма и выражать недовольство им». И «литературные репрезентации триумфа с демонстрируемыми в них неопределенностью

⁴ Т. е. чаши работы Ферикла (*Plut. Aem.* 33. 4).

⁵ При этом у триумфатора – Эмилия Павла – оба сына умерли: один за день до торжеств, другой после (с. 137; *Plut. Aem.* 35.2).

и двойственностью статуса победителя и побежденного являются одним из наиболее ярких примеров как славы, так и трудностей, которые сопутствовали победе у римлян» (с. 133–139).

Рассуждая в этом же направлении, Бирд немало места уделяет тезису о том, что в самом триумфе заключалась идея возможного поражения в будущем. Это символизирует изображение сцены триумфа на шлеме поверженного Голиафа у Донателло (с. 2 – пример, как и сам скульптор, заметим, отнюдь не римские). Конечно, получение триумфа весьма и весьма способствовало карьере полководца – 15 преторов из 19, добившихся этой почести между 227 и 79 г. до н.э., стали консулами, память о победах и торжествах в честь оных увековечивалась статуями, надписями, триумфальными арками⁶ и т.д. Но случалось и иное: когда Помпей пожелал въехать в Рим не на конях, а на слонах, от этой затеи пришлось отказаться, ибо ворота оказались слишком узкими; у Цезаря, если верить Диону Кассию, прямо напротив храма Фортуны сломалась во время триумфа ось колесницы (знаменательное совпадение!). Сципион Эмилиан не провел в победной процессии ни одного нумантинца, и это был триумф лишь по имени. Сципион Африканский через десять с лишним лет после триумфа оказался перед судом. «В итоге с триумфом оказывалось связано гораздо больше дурного, чем хорошего» (с. 33–37, 249–253).

Нельзя не признать тонкости этих «парадоксальных» суждений. Однако такой подход, позволяя посмотреть на триумф глазами философа или поэта, мало что дает для познания прошлого с собственной исторической точки зрения. Вряд ли кто-то из римлян всерьез разделял подобное отношение к триумфу – он всегда был желанной почестью для полководцев, и то, что после триумфа Бальба в 19 г. до н.э. его предоставляли только членам императорской семьи, лишь подчеркивает значение церемонии. К тому же хотелось бы заметить, что ученые не принимают всерьез риторически преувеличенное утверждение Флора и Орозия, будто Сципион Эмилиан не провел во время торжеств ни одного нумантинца (о 50 пленных, проведенных в триумфе, см. App. Iber. 97. 422–423)⁷.

Довольно спекулятивно выглядят и еще одна идея Бирд. «Несмотря на утверждение Плутарха о том, что военные трофеи служили лишь посвятельными дарами богам, которые никогда не использовались и не чинились (отголосок суждения Плиния о сохранности трофеев, украшавших дома полководцев), вооружение, оставшееся с прошлых триумфов, могло быть с легкостью применено вновь». Так, в 216 г. до н.э. нескольким тысячам осужденных за уголовные преступления для борьбы с Ганнибалом выдали оружие, сохранившееся после триумфа Фламиния над галлами, а в 121 г. до н.э. сторонники Гая Гракха взяли оружие из дома Марка Фульвия Флакка, украшавшее его после триумфа 123 г. Здесь, по мнению Бирд, можно усмотреть намек на темные стороны в римской идеологии победы: в первом случае захваченное у галлов вооружение используется против карфагенян (и те, и другие – злейшие враги Рима), во втором – оборачивается против самих римлян (с. 176–177). Однако Бирд не приводит никаких доказательств того, что последние осознавали эти парадоксы, без чего вряд ли можно говорить о постижении особенностей римской идеологии победы. Кроме того, Плутарх говорит об оружии, посвященном богам, тогда как применительно к 216 г. до н.э. о его посвящении не упоминается.

И еще один, как представляется, умозрительный тезис автора: по мнению Бирд, триумф являлся решающим моментом в процессе, в ходе которого враг становился римлянином. Александр, сын Персея, выучил латынь и стал впоследствии секретарем при должностных лицах. Проведенный в триумфе Цезаря Юба получил римское гражданство, писал исторические труды, а позднее занял нумидийский трон. Зенобия, согласно одной из версий, после триумфа Аврелиана, в котором ее провели, жила в окрестностях Рима. Правда, рост числа пленных, ставших римлянами, порождал трудности – достаточно вспомнить сцену, когда Сципион Эмилиан столкнулся с неприязнью толпы и крикнул ей, чтобы замолчали его недруги-простолудины, которых он в цепях привел в Рим. Воины распевали во время триумфа, что Цезарь вводит галлов в сенат. Самый яркий пример возвышения побежденного – Венгидий Басс, которого еще младенцем пронесли в триумфе Помпея Страбона в 89 г. до н.э. и который сам отпраздновал триумф над парфянами в 38 г. до н.э. (с. 140–141).

Заметим, однако, что если побежденные становились римлянами, то не было никакой необходимости в том, чтобы предварительно их вели в победной процессии, которая, следовательно, не может рассматриваться как решающий момент в ходе превращения бывших *hostes in Romani*. Что же касается слов Сципиона Эмилиана, то это, конечно, риторическое преувеличение, а не свидетельство большого числа бывших врагов, а ныне вольноотпущенников, среди жителей Города⁸.

⁶ Но, как замечает автор, арки строились не только в честь триумфов, но и, например, в честь членов императорской фамилии (или в память о них), а словосочетание *arcus triumphalis* известно в латинском языке не ранее III в. н.э. (с. 45–46).

⁷ См., например, Münzer 1901, 1456.

⁸ См. Morstein-Marx 2004, 150.

Такой подход, когда ученые усматривают аллюзии там, где их вовсе не имели в виду и уж тем более не замечали сами греки и римляне, и оперируют представлениями, не свойственными античности, вообще характерен для многих современных работ⁹. К счастью, далеко не вся рецензируемая книга состоит из подобного рода пассажей – многие наблюдения и выводы автора интересны и плодотворны, заставляя переосмыслить источники, связанные с триумфом. Не придется сомневаться, что книга Бирд станет важной вехой в изучении этого интереснейшего ритуала.

Литература

- Короленков А.В., Смыков Е.В. 2010: Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 1, 218–229.
Igenshorst T. 2005: *Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik*. Göttingen.
Igenshorst T. 2006: *Roman Commanders and Hellenistic Kings. On the 'Hellenization' of the Republican Triumph* // *Ancient Society*. 36, 51–68.
Morstein-Marx R. 2004: *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Camb.
Münzer F. 1901: *Cornelius (335)* // RE. IV, 1439–1462.
Schröter M.-G. 2008: *Der Theaterkomplex des Cn. Pompeius Magnus im Kontext seiner Politik* // *Das Marsfeld in Rom. Beiträge der Berner Tagung vom 23.–24. November 2007* / Hrsg. J. Albers, G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler. Bern, 29–44.
Krasser H., Pausch D., Petrovic I. (Hrsg.) 2008: *Triplici invecutus triumpho. Der römische Triumph in augusteischer Zeit*. Potsdamer Altertumswissenschaftliche Beiträge 25. Stuttgart.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук, научный редактор
журнала «Новая и новейшая история»

⁹ Об этом см., например, Короленков, Смыков 2010, 225.

© 2010 г.

P. Bianchi. Iura – leges. Un'apparente questione terminologica della tarda antichità. Storiografia e storia. Milano: Giuffrè, 2007. XVIII, 207 p.

Работа Паолы Бьянки посвящена одной из любопытнейших терминологических проблем истории римского права постклассической эпохи: вопросу соотношения понятий «iura» и «leges» в юридических текстах Поздней империи. Интерес к терминологическому анализу памятников римской правовой мысли, который был характерен для эпохи «охоты за интерполяциями», в данный момент вновь становится одним из заметных направлений в научных исследованиях. Если до недавнего времени в этом жанре, характерной особенностью которого является определение прежде всего стилистических особенностей текстов, писал преимущественно Тони Оноре¹, то теперь можно назвать целый ряд авторов, в работах которых особое внимание уделяется сравнительному анализу употребления терминов в различных юридических источниках².

Проблема, рассматриваемая в монографии П. Бьянки, несмотря на обилие посвященной ей литературы по-прежнему не утратила своей актуальности. Описание системы источников права постклассической эпохи осуществлялось в научной и учебной литературе, как правило, в рамках дихотомии iura (или ius vetus³) и leges, где под первым подразумеваются сочинения классических юристов, а под вторым – конституции римских императоров⁴. Вместе с тем, Жан Годме еще в 1950 г. выступил с критикой данной концепции, а точнее, ее терминологической части, показав, что в юридических памятниках IV–V вв. и даже в юстиниановском Своде практически отсутствует связка iura – leges в

¹ См., например, Honoré 1978; 1998.

² См. Harries 1988; Amelotti 1994; Varvaro 2002 и др.

³ См. ниже.

⁴ Arangio-Ruiz 1947, 322–353; De Francisci 1948, 472–479; Karlowa 1885, 931; Krüger 1912, 295; ср. Покровский 1917, 226–233.